

АЛЕКСАНДР ЗАВЬЯЛОВ

Литератор

Родился в 1945 году в Ленинграде. После школы поступил в Механический институт, откуда был изгнан за неуспеваемость и отправлен на Север служить моряком на флоте. После армии поступил в Ленинградский театральный институт на театроведческий факультет. В 1977 перенес тяжелую травму, после чего изменился весь строй жизни. Зарабатывал на жизнь фотографией, возлюбил земледелие, немного писал. Стать писателем всерьез не думал, однако в 1994 году осмелился отнести некоторые произведения в «Звезду» и «Неву». «Это не литература, а наглое дураковаление» — таков был вердикт. В 2000-е годы был замечен Александринским театром, для которого инсценировал «Двойника» и «Игрока» Ф. Достоевского, а также «Джан» А. Платонова.

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

...Обаятельный гений Гоголя ввел в заблуждение многих. Все, кто воплотил его на сцене или в кино, как правило, стремились оживить «мертвые души» — вместо того, чтобы изобразить существование мертвой сущности, вампирически сосущей живую энергию жизни.

Гоголь — мастер создать ощущение, что небытие — материально.

«Он заставил силою своего мастерства несколько поколений людей думать, что не причудливый и одинокий мир своей души он изображал, а яркую, перед ним игравшую, но им не увиденную, не услышанную, не ощущенную жизнь...»

«На всей огромной панораме его живописи ничто не движется...»
(В. Розанов)

Гоголь тщательно выписывал реальность, но мистический страх перед всемогущим, надмирным бытием, порождающим и поглощающим всякую жизнь, пропитывал полотна его лучших творений. Он старался преодолеть страх смехом, однако тот странным образом проглядывал отовсюду.

Гоголь был незримой пуповиной связан с потусторонним миром. Страх могилы, тьмы, замкнутого пространства душил его: «Душно мне, душно...»

Не отсюда ли страх быть заживо погребенным:

«Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...»

Гоголь в мир явился из чрева, где обитала смерть.

Мать Гоголя родила до него двух мертвых детей...

...Гоголь — это иллюзия энергии. На глазах — бурное движение мыслей, чувств, страстей, внутри которых... гипнотизирующая ПУСТОТА!

Тут какой-то непостижимый фокус. Все бурлит, кипит, суетится, шумит, но это движение — неживое.

Энергичное движение на холостом ходу и по кругу.

(Кто-то верно заметил, что главный герой Гоголя — колесо.)

Все лучшие создания Гоголя — суть фантазмагии, а все происходящее есть сон...

...Тайна Гоголя откроется, если представить его творчество как взгляд на мир сквозь микроскоп. Земной мусор в увеличенном виде предстанет кошмаром вселенского масштаба.

У Гоголя в «Шинели» есть фраза про естествонаблюдателя, «не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп...».

Это его метод. Не просто создать образ, но до того страшно приблизить его, что возникает эффект оптического искажения...

«Мир Гоголя — чудно отошедший от нас вдаль мир, который мы рассматриваем как бы в увеличительное стекло; многому в нем удивляемся, всему смеемся, виденного не забываем; но никогда ни с кем из виденного не имеем ничего общего, связующего, и — не в одном только положительном смысле, но также — в отрицательном... нам входить в этот мир, связывать его со своей жизнью и даже судить о ней по громадной восковой картине, выкованной чудным мастером, — это значило бы убийственно поднимать на себя руку» (В. Розанов).

У Гоголя все прорисовано до столь ничтожных мелочей, что возникает соблазн трактовать его психологически. Напрасная затея! Психология — это внутренняя борьба и осознанный выбор. У Гоголя же черт толкает в спину. В «Коляске» черт не только «закрутил» (фамилия героя Чертокуцкий) — тут понесло!..

Не так ли творится русская история? Без смысла и цели.

Бес водит...

...В. Набоков всюду у Гоголя видел черта. Между тем черт у Гоголя — фокус для отвода глаз. Через черта дышит пустота. Пустота — всюду. Как это сделано, особый вопрос, но это — главная тема Гоголя.

В. Набоков обратил внимание на бесчисленные «фантомы», которые, по его мнению, составляют суть гоголевской литературы. Но что это за «фантомы»? Это гений Гоголя, его необузданная творческая стихия. Русский человек не способен на самоограничение. В нем все без меры и в самых невероятных сочетаниях. Святость и безбожие, сострадание и хамство, покорность и бунт...

Гоголь страшно завидовал Пушкину. Но что есть Пушкин? Аскетическое воспитание в лицее, высококультурные педагоги. Пушкин был прекрасно образован и великолепно знал европейскую культуру. Он знал, что «свобода» — это самоограничение. Отсюда его лаконичная проза («Гол как-то...» — Л. Толстой) и прозрачная, музыкальная, точная поэзия. Он не допускал никаких излишеств, чувство меры поразительно, стилистику строго определял жанр. Во всем классическая завершенность.

Гоголь же — это необузданность, воспевающая «волю» и не ведающая о «свободе». Отсюда размытость и рыхлость «Мертвых душ». Гоголь не мог справиться с тем, что переполняло душу. Однако именно благода-

ря этому свойству он стал непревзойденным и самобытным мастером пера. Он развивал идею до абсурда и чудодейственным способом заставлял ее жить в ирреальности «зазеркалья».

Гоголевские «фантомы» — суть не реальные персонажи, коих является воображение, — это видения, миражи, фокусы. Они возникают на миг и исчезают. Они не проработаны детально, это Гоголю и не нужно. Они схвачены цепким зрением, но схвачены так, что впечатываются в подсознание, как Синяя Борода или Карлик Нос. Их задача — вдруг поразить и пропасть. Они есть пустота, которой не видно, но которая всюду. Это магический театр. В зале зритель, на сцене действие. Вдруг откуда-то из темноты явится фантастическая рожа, стрельнет сверкающим глазом, напугает и пропадет...

...Пушкина волновала игра со смертью, фатальная неизбежность конца: «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет». «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Медный всадник»... человек уничтожается жерновами стихий.

Пушкин понимал смерть как момент («...туманный взор изображает смерть, не муку...»). Смерть Пушкина не пугала. Что будет «там», за чертой, его мало тревожило («И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду истлеть...»).

Гоголь волнуется, всматриваясь в смерть «отсюда». Для него смерть — не момент перехода в небытие, а постоянный трепет и страх, в котором пребывает душа. Смерть растворена всюду, она есть пугающая пустота нежизни.

«Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют тем, что душа стесковалась за человеком и призывает его, и после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимающимся дыханием из сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню» («Старосветские помещики»).

Смерть заполняла его суть...

«Игроки» и «Пиковая дама». Там и там игра. Но в «Пиковой даме» трепет тайны, на карту ставится жизнь. Какой бы Германн ни был немец и подлец, ему, «с профилем Наполеона», в голову бы никогда не пришло жульничать. У Пушкина рок, фатум и тайна — вершители судеб.

У Гоголя в святая святых проникает черт и все опошляет до анекдота. «Игроки» — вакханалия шулеров.

Между тем писались «Игроки» и «Пиковая дама» почти в одно время. ...Все гоголевские персонажи суть пошляки, вся пресловутая гоголевская «чертовщина», про какую написаны горы книг, не что иное, как бесшабашный разгуляй пошлости.

Черт проявляет себя в человеке через пошлость.

«Герои мои вовсе не злодеи: прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого...»

«...Мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчевать его же собственной пошлостью» (Гоголь).

«Пошлость закрывает трагизм и ужас жизни... Пошлость есть совершенная удовлетворенность, довольство и даже веселье от плоскости небытия... Пошлость и есть этот мир, окончательно забывший об ином мире... Пошлость приобретает эсхатологический характер, она есть один из концов в человеческой судьбе» (Н. Бердяев).

Гоголь физически страдал, видя, как пошлость, поистине всесильная помощница черта, обволакивает, искушает, завораживает и так-таки гасит в людях божественную искру, превращая их в «мертвые души».

«Но, боже! сколько приходит ежедневно людей, для которых нет вовсе высокого в мире!.. Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижимым холмом души своей и бесплодной пустыней сердца...» (Гоголь).

...Художественный прием Гоголя гениально прост. Ничего сверхъестественного:

«Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то выходило хорошо, что взято мной из действительности, из данных мне известных... Я с о з д а в а л портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья» (Гоголь).

Гоголь каждого пошляка просто сделал поэтом. Вот и весь фокус. В этом поистине нечто дьявольское!

Вдохновенье, творчество, полет фантазии и мысли — БОЖИЙ дар, какой возносит вверх.

Гоголь же божественное в человеке устремил вниз.

Метод Гоголя — гипертрофированное развитие образа до абсурда с выходом в ирреальность. Манилов, Ноздрев, Хлестаков, Собакевич и даже Акакий — поэты, вдохновением оживляющие пустоту. Поприщин («Записки сумасшедшего») существует в ирреальном мире обывательских фантазий (пошлая дребедень из «Северной пчелы») и оттуда общается с миром. Нос майора Ковалева по своей воле, не спрашивая дозволения у хозяина, спрыгнул с лица и отправился гулять по Петербургу.

Манилов творит мечту прекрасного ничегонеделания. Собакевич упоенно расписывает достоинства умерших, набивая цену несуществующему товару. Хлестаков развернулся во вранье. Городничий — поэт лихорадки.

Кого ни возьми — все одержимы вдохновением.

Гоголевский пошляк поэтизирует пошлость вдохновенно, талантливо, виртуозно.

Вот он, гоголевский микроскоп, увеличивающее зеркало, в котором отраженный мир увидел сам себя — и отшатнулся в ужасе!

...Гоголь — непревзойденный мастер портретов и диалогов. Здесь он бог. Но ему вдруг показалось, что литература — не «главное дело жизни», его потянуло в оракулы и пророки.

Гоголь обожал Гомера, и его чертовски тянуло на эпос, хотя его палитра была лишена нужных красок.

Гоголь мечтал стать поэтом. Он боготворил Пушкина, Жуковского, Языкова и страстно желал стать вровень с ними. Не случайно «Мертвые души» названы поэмой.

Желая вытащить сюжет на вселенский простор и заимствуя у поэзии высокое слово, Гоголь торжественно вещал банальности. «Чуден Днепр при тихой погоде...» — восторженный вздох гимназистки. «Редкая птица долетит до середины Днепра...» — наивная гипербола, ибо птицы перемахивают океаны. «Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?...» — патетическая красивость... Крикливо-слащавая лирика и доморощенная философия — мало того, что композиционно излишни, но и стилистически вычурны.

Белинский советовал при чтении пропускать эти места.

Но уж когда Гоголь «отпускал вожжи», не контролировал себя, полагаясь на вольно пишущую руку, — «черт» выскакивал из него. Он в словах и фразах, везде торчат его рожки.

«Чичиков послал ему дурака...», «цвет лица геморроидальный», «выскочила девка глаза репой», «Собакевич пристроился к осетру и... в четверть часа с небольшим д о е х а л его всего». Примеров — тьма! Эти жемчужины рассыпаны всюду. В красноречивую стройность, которая давалась Гоголю не без труда, вдруг влезала «чертовщина» языковых корявостей, каким плевать на стилистику, логику, красоту. Выскочит эдакое словцо, кукарекнет, скорчит гримасу и опрокинет все законы письма. Но именно оно-то и есть гений и прелесть Гоголя.

В. Розанова раздражало, как Гоголь говорил про себя:

«Тут подправить, там добавить словечко, и выходит хорошо».

Розанов называл гоголевский язык мертвым. Он и впрямь был мертвым, когда Гоголь пытался писать красиво. Но как только запускал в текст «черта», все начинало сверкать...

«Гоголь принадлежит к самым загадочным русским писателям, и еще мало сделано для его познания... Поистине есть в нем что-то жуткое. Гоголь — единственный русский писатель, в котором было чувство магизма, — он художественно передает действие темных, злых магических сил... У Гоголя было совершенно исключительное по силе чувство зла... — творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего... Гоголю не дано было увидеть образов добра и художественно передать их. В этом была его трагедия. И он сам испугался своего исключительного видения образов зла и уродства...» (Н. Бердяев).